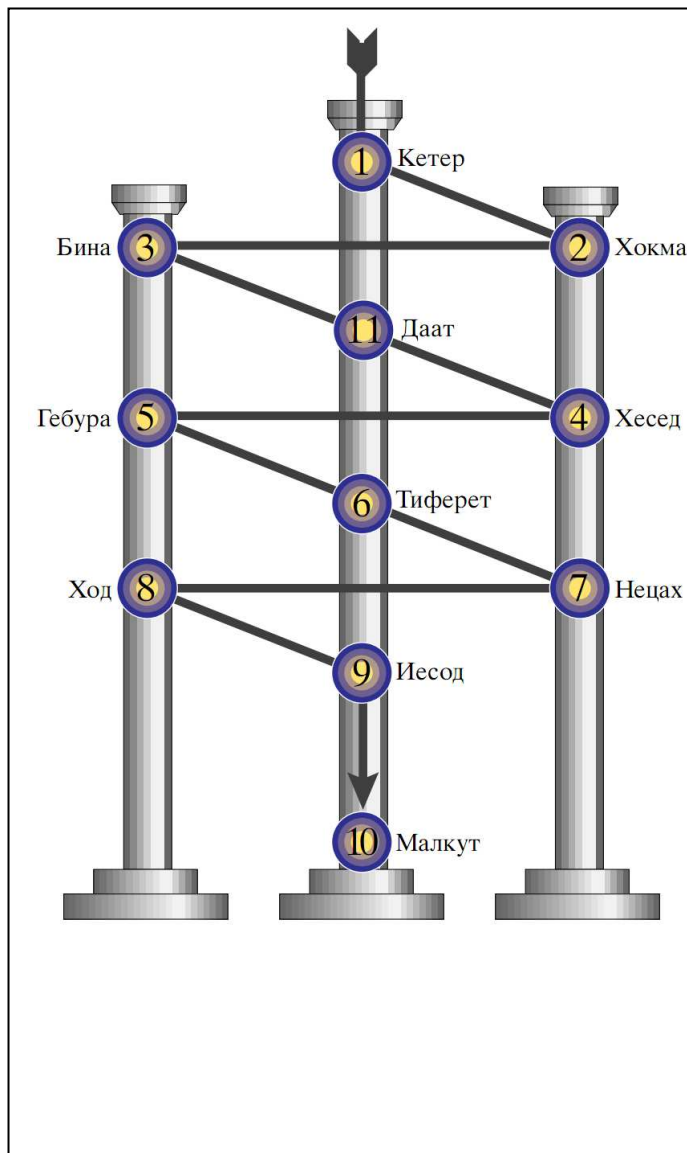

ГЛАВА 29

Судьба мастера и Маргариты определена

Сефира 4. Наименование: *Хесед, Милосердие.*

Топология: *В центре Колонны Милосердия.*

План: *Бриа.*

Планетарное соответствие: **4** *Юпитер.*

Зодиакальное соответствие: ♉ *Телец.*

Имя Божье: *Эль.*

Гностический символяриум: *Покорность; Терпение; Способность считаться с обстоятельствами; Солидность; Остойчивость; Внутренность удельного веса; Осмотрительность; Следование принципу: семь раз отмерь, один — отрежь; Умеренность; Самодостаточность; Полнота отеческой любви; Чатуранга.*

После концептуальной сефиры Колонны Строгости (Справедливости), обрачивающейся в развёртке Двадцать восьмой главы двумя пожарами и одним микропогромом, наступает очередь духовного пространства Милосердия, наполняющего собой всю Двадцать девятую главу. Не удивительно, что именно в этом пространстве решается судьба лирических героев Романа; достойно удивления, с какой благородной сдержанностью и деликатностью это происходит.

Карнавал окончен, и приоткрывается подлинный вид, жесты и интонации “орудовавшей в столице шайки гипнотизёров и чревовещателей”.

“На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора столетия назад, находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краёв.

Воланд сидел на складном *табурете*¹, одетый в чёрную свою *сутану*. Его длинная и широкая шпага была воткнута между двумя рассекшимися плитами террасы вертикально, так что получились *солнечные часы*. Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к чёрным туфлям на ногах *сатаны*. Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и *поджав одну ногу под себя*, Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обречённых на слом лачуг.

Азazelло, расставшись со своим современным нарядом, то есть пиджаком, котелком, лакированными туфлями, одетый, как и Воланд, в чёрное, неподвижно стоял невдалеке от своего повелителя, так же как и он не спуская глаз с города”.

Действие, вернее, отсутствие его, происходит на крыше «дома Пашкова», и уже одно это даёт ориентиры для правильного прочтения орденской структуры МиМ. Ибо «дом Пашкова» — масонская поэма в камне, созданная великим духовным мастером конца XVIII столетия, архитектором Василием Баженовым. Один из немногих его осуществлённых проектов, дом этот со второй половины XIX века становится Храмом Знания сначала как Румянцевский музей, затем как Государственная публичная библиотека с крупнейшим в стране собранием масонских изданий и рукописей. Башня-ротонда, наподобие церковной главы венчающая это здание, служит символическим памятником великому русскому розенкрейцеру Ивану Петровичу Тургеневу, вырастившему плеяду сыновей-рыцарей, знаменитых «братьев Тургеневых». *Тур*, башня, и является местом, около которого происходят события главы.

Хотя абрис фигуры Воланда заимствован Булгаковым у «Мефистофеля» Антокольского, потрясает *поза* Мессира. Это концептуальное положение ног *Императора* 4-ого аркана, уподобленных *четвёрке* и *астральному знаку Юпитера*. Надо ли говорить о том, что семантика Четвёртой сефиры выдана Булгаковым с исчерпывающей полнотой?!

---

¹ В контексте повествования в этом слове высвечивается мистическое *табу* в ореоле глубочайших подсмислов.

“Но тут что-то заставило Воланда отвернуться от города и обратить своё внимание на круглую башню, которая была у него за спиной на крыше. Из стены её вышел *оборванный, выпачканный в глине* мрачный человек в хитоне, в самодельных сандалиях, чернобородый.

— Ба! — воскликнул Воланд, с насмешкой глядя на вошедшего. — Менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, незванный, но предвиденный гость?

— Я к тебе, дух зла и повелитель теней, — ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

— Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? — заговорил Воланд сурово.

— Потому что я не хочу, чтобы ты здравствовал, — ответил дерзко вошедший”.

Невероятная вещь: описываемые события происходят *сразу* в двух временных пластах — в пространстве и времени романа мастера и в абсолютном времени Надмирного, где обитают все занятые в мизансцене. О первом говорит афраниеобразная поза и складной табурет Воланда (родной брат трёхногого табурета начальника тайной стражи), а также внешний вид только что явившегося с происшествий на Лысом Черепе Левия Матвея. О втором — сама встреча бывшего сборщика податей с *сатаной в сутане*, держащим вахту у *солнечных* часов, сделанных из *его шпаги*, а также тон Левия, свидетельствующий об их не первом свидании. Значит, судьба мастера разыгрывается в том числе и в его авторских декорациях и костюмах, что доказывает важность решаемого вопроса.

Первым же восклицанием Мессир выпускает в закатные дали *птицу с человеческой головой*, удивление его носит демонстративно-театральный характер, поскольку гость был предвиден заранее. Впрочем, тональность его обращения вполне добродушна.

Не то его собеседник. *Мрачный* человек, глядящий *недружелюбно исподлобья*, хамит, бросаясь традиционными формулами, смысла коих не понимает. Всё это напоминает лай цепного пса, на который не обижаются. И Воланд меняет *суровый* тон на *иронический*, “вправляя мозги” распоясавшемуся наглецу. *Логика* — это всё, что он может себе позволить в разговоре с посланником *Логоса-Солнца*, даже если это грубый и злобный почтарь.

“— Но тебе придётся примириться с этим, — возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, — не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чём она, — *в твоих интонациях*. Ты произнёс свои слова так, как будто ты не признаёшь теней, а также и зла. *Не будешь ли ты так добр* подумать над вопросом: что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты *глуп*.

— Я не буду с тобою спорить, старый софист, — ответил Левий Матвей.

— Ты и не можешь со мной спорить, по той причине, о которой я уже упомянул: ты *глуп*, — ответил Воланд...”

То, что Вселенная поделена на две группы поклонников каждого из состязающихся за шахматной доской мира Гроссмейстеров, *понятно*. *Извинительно*, что в спортивном азарте они враждуют между собой, изничтожая “противников” в словесной перепалке. Тогда как *абсолютно непростительным* является серьёзное выражение лица при этом и идеологическая партийная патетика, чем прямо-таки шибает в нос при появлении Левия. И Воланд выговаривает не за слова, а за *интонации*. Безусловно, *высшая мудрость*: «Зло на земле неуничтожимо, потому что борьба с ним — это и есть жизнь» — недоступна для воспалённых пристрастием утлих мозгов Матвея. И даже ясная картина — эквивалент *великой формулы* — не схватывается им и кажется, как *всякая чужая правота*, казуистикой и ментальными заморочками. Отсюда вердикт Воланда: “Ты *глуп*”.

Почему же в таком случае обожаемый Младший Брат держит при себе такое непотребное существо?

Во-первых, он *рабски* предан, а слуга, холуй и “верный личарда” всегда нужен как “мальчик на посылках”. Во-вторых, одно дело — сказать великое, а другое — загнать его внутрь тупого аборигенского сознания, взрыхлить его и посеять туда светлые семена мыслей хозяина. Для этого нужны узколобые и пробивные фанаты, выкованные из железа.

Понятно, что Воланд не удивляется ни словам, ни поведению посыльного. Более того, рассуждая вслух, он констатирует: “Ты *глуп*”, не подвергая критике выбор своего любимца. Неудобства, с этим связанные, приходится терпеть. — Даже ему.

И всё же из уст злобного хулителя вырывается не запланированная им правда. Ведь “софист” — это любитель Софии-Премудрости Божией, то есть Духа Святого, Матери Мира. И эта любовь — взаимна. Ранее — абсолютно дружески — Он определялся как “великий логик”, то есть любитель (и возлюбленный) Планетарного Логоса. Сознание посюсторонников даже не догадывается, что *Они* — родные Братья и Их соревновательный азарт за *шахматной доской* не антагонистичен. Однако разуверять профанов слишком настойчиво нельзя, ибо их мозговых возможностей хватает лишь для выбора чего-то *одного*; между двумя *равными* возможностями сознание это подыхает, как знаменитый буриданов осёл меж двух одинаковых кучек сена.

Поэтому Воланд может позволить себе всего лишь *журить*, почти — по его возможностям — *журчать*, не затягивая, впрочем, свидания со столь малоприятным субъектом.

“...Ты *глуп*, — ответил Воланд и спросил: — Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачем появился?

— Он прислал меня.

— Что же он велел передать тебе, раб?

— Я не раб, — всё более озлобляясь, ответил Левий Матвей, — я его ученик.

— Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, — отозвался Воланд, — но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются. И так?..

— Он прочитал сочинение мастера, — заговорил Левий Матвей, — и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?

— Мне ничего не трудно сделать, — ответил Воланд, — и тебе это хорошо известно. — Он помолчал и добавил: — А что же вы не берёте его к себе, в свет?

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий.

— Передай, что будет сделано, — ответил Воланд и прибавил, причём глаз его вспыхнул: — И покинь меня немедленно.

— Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже, — в первый раз *моляще* обратился Левий к Воланду.

— Без тебя бы мы никак не догадались об этом. Уходи.

Левий Матвей после этого исчез, а Воланд подозвал к себе Азazelло и приказал ему:

— Лети к ним и всё устрой.

Азazelло покинул террасу, и Воланд остался один”.

Во время “сцены расплаты” главы *Извлечение мастера* казалось, что достигнут потолок в достоверном освещении трансцендентного. Но вот — новая вершина, и мы становимся очевидцами ещё более величественной картины. Контакт и взаимодействие двух Ведомств — об этом не то что никто никогда не написал или просто помыслил, никто никогда даже и не смотрел в этом направлении. Этот краткий, но невероятный по своим компонентам эпизод Романа своей демонстрационной убедительностью даёт ответы на множество вопросов, мучащих человечество всю его историю.

Книга Иова, несмотря на множество замечательных красот, в ней содержащихся, слишком *условна*, перенасыщена восточной риторикой и малоубедительна как документ. С тех пор фантастика визионеров лишь увлекала и восхищала, но *не информировала*. Переживший эстетические восторги интеллигент всё равно в критические моменты жизни притекал под грубое знахарское воздействие невежественных церковников и скукоживался под их беспардонным манипулированием в пушкинско-достоевскую “тварь дрожащую”.

Сама возможность потустороннего существования уже является неразрешимой проблемой для рационалистического сознания человека толпы; второй же шаг в неориентированном пространстве страшен как катастрофа, кошмар — и не за счёт отсутствия ориентиров, а за счёт их категорического незнания.

Что́ есть *добро* и *зло* — не по их земным проявлениям, а по их прямому качеству;

кто́ носители семантической полноты каждого из полюсов мира и каковы отношения между ними;

какова́ судьба личности в потустороннем мире;

что́ представляют условия существования по ту сторону земного бытия?

Особенно важны детали: сохраняется ли связь между близкими людьми; остаётся ли возможность заниматься творчеством и каково оно по кондициям в этом случае... и так далее, и так далее, и так далее.

Булгаков не отвечает на все эти вопросы, он просто подсмотрел и досконально зафиксировал событие в духовной истории Солнечной системы, в котором сконцентрировано огромное количество информации по интересующим человечество проблемам. В отличие от пустопорожних нагнетаний готических романов выход в вольный полёт этого гностического пространства осуществляется со “взлётной полосы” Баженовского “орденского аэродрома”, с последней ступени лестницы, выложенной эзотерической литературой, с антигравитационным экраном, выкованным деятельностью духовных сообществ. Для нас особенно важно: *русских* духовных сообществ. Обобщённого «Ордена чести» Достоевского.

Теперь — по пунктам.

“Он прислал меня”. Левий Матвей соображает, что называть имя того, *кто* знаком собеседнику гораздо лучше, чем ему, посреднику, неуместно. Да и произносить это имя злобными устами, с искажённой физиономией — гнусность. *Злобный ангел* (так по-гречески называется его миссия) и *добрый чёрт* — не правда ли, странная ситуация, парадоксальная прямо-таки в духе Христа.

Воланду и не надо пояснять, *о ком* идёт речь. Хотя ему досадно, что даже местоимение «он» в применении к Планетарному Логосу мгновенно становится персонифицированным и, произнесённое *такими* устами, режет ухо почти как имя. И Мессир отсекает Левия от местоимения строгой рукой небесного хирурга, указывая ему, кто есть кто.

“Я не раб, я его ученик”. Злобный последователь беззлобного Иешуа — это парадокс не меньший приведённого. Правда, на этих словесных подтасовках возведено всё здание культа... но в Надземном эти бессмысленные передёргивания не проходят.

“Он прочитал сочинение мастера”. — С подачи *Старшего Брата* и с экземпляра, восстановленного принтингом в *его* Ведомстве. Благодаря этому «рукописи не горят». **Никогда ни одно произведение мировой литературы, включая тексты Нового Завета, не оценивалось *тáк высоко*.**

“...И просит тебя...” — ещё одно потрясение в Булгаковской копилке чудес и ещё один важный штрих в рисунке взаимоотношения Небесных Братьев.

“...Чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем”. Значит, место обитания сатаны отнюдь не “ад” со всей его сказочной бутафорией, измышленной для запугивания простолюдинов, а мир эрмитажного уединения, глубоких размышлений и тихой радости. По Дантовой топологии это полоса Чистилища, и ясно, что висельники бала не оскверняют его тишины своим убогим присутствием. А, скажем, Фрида, прощённая и обновлённая, уже вполне бы могла быть у мастера горничной.

Само название «Чистилище» говорит о транзитности этого отдела духовной топологии Надземного. Мастера придётся “собирать по кускам” и “выветривать” на воздушном океане. Да, он предал свой роман; но перед тем он его написал —

этим всё сказано. Бережное обращение с еле живым героем на поле боя — первейшая забота и радость обоих Ведомств. Конечно, “покой”² — это награда для мастера.

Поскольку ситуация как минимум паритетна, Воланд и задаёт свой резонный вопрос: “А что же вы...” *Вы* — в смысле *Ведомство Милосердия*.

Ответ не оставляет сомнений, *кто* выносит вердикт. Кармическую вину мастера не загоняют внутрь, до будущего воплощения. Гений его масштаба должен быть совершенен. — Всегда. Везде. Да и оставить его на духовном иждивении Маргариты было бы недостойно. В этом-то и *печаль*.

“Передай, что будет сделано”. Отказа, конечно, не бывает. Бывает отложенное исполнение. Именно так и произошло с Пилатом.

Но интересно бы знать: просьба о Маргарите подразумевает *повышение* или *понижение* её посмертной судьбы? Два слова, два пароля: *страдала* и *любила* — являются пропуском в высшие сферы бытия. Почему же через несколько минут после припадка злобы Левий уже *умолял* Воланда о Маргарите? И отчего земное угрожающее “чёрт бы его побрал” по ту сторону жизни становится предметом особой милости со стороны Высших Сил?

Судя по всему, выдержав экзамен в случае с Фридой, Маргарита заработала себе место в *свете*. Тогда как решение по поводу мастера грозит обернуться разлукой для той, что мнит в его творчестве весь смысл своего существования. И если мастеру “пора на покой”, то его возлюбленная ещё вполне жизнеспособна. Так что Левий Матвей *умоляет* о её перемещении *по горизонтали*, что отчасти и прихоть и каприз. Воланд вновь намекает на то, что два Ведомства суть *сообщающиеся сосуды* (и сосуды), что авторитаризм и своеволие у него тоже не в чести. *Парность* и *дополнительность* являются сокровищем и в горних. Главам двух Ведомств это особенно понятно. “Рокировку” и перевод в блаженство латентности надо осуществлять немедленно. Это задание и получает Азazelло.

“Хай вольтаж” первой половины главы разряжается забавной фарсовой кодой. Неразлучная парочка — Коровьев и Бегемот — bravо возвращается с пожара. Собственно, они и спешили сюда, на крышу Пашкова дома, чтобы снять напряжение от переговоров. Клоунская развязность развязывает стянутый обсуждением смертных узел «добра и зла».

Каждая деталь во внешнем виде гротескового дуэта сочтется карнавальным чрезмерностью, а когда они открыли рот, то...

“— Верите ли, мессир... — задушевым голосом начал Бегемот.

— Нет, не верю, — коротко ответил Воланд”.

“Отбрив” по-станиславски, Воланд тем самым отнюдь не заткнул фонтанирования. Последовал эмоциональный рассказ о метании между Грибоедовым и

² “Покой” на земле — Пушкинская идея фикс, пристань и док для ремонта. Но это отнюдь не тихая гавань для земных необузданных страстей; Лермонтовский «Парус» — поверхность; Пушкинское “Пора, мой друг, пора” — глубина. Потому что на поверку “Покой нам только снится”. А сон — как зеркало: глубина его иллюзорна, гладь поверхности — фантомна.

Тимирязевым и обратно и последних минутах писательского ковчега. Бригада спасателей с керосином в составе двух (вместо “человек” прочерк) металась по особняку, путаясь в кишке у пожарных, как корь и колит. Короче, всё сгорело дотла, что и требовалось показать. “Форменный пророк” и униформенный регент явились, отдухарившись от души. “И ждём ваших распоряжений”, — объявил Коровьев.

“Воланд поднялся со своего *табурета*, подошёл к балюстраде и долго молча, один, повернувшись спиной к своей свите, глядел вдаль. Потом он отошёл от края, опять опустился на свой *табурет* и сказал:

— Распоряжений никаких не будет — вы *исполнили* всё, что могли, и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь. Можете отдыхать. Сейчас придёт гроза, последняя гроза, она *довершит* всё, что нужно довершить, и мы тронемся в путь. <...>

Гроза, о которой говорил Воланд, уже скоплялась на горизонте. Чёрная туча поднялась за западе и до половины отрезала *солнце*. Потом она скрыла его целиком. На террасе посвежело. Ещё через некоторое время стало темно.

Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Всё пропало, как будто этого никогда не было на свете. Через всё небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился, и началась гроза. Воланд перестал быть видим в её мгле”.

Спектакль, задуманный великим режиссёром, отполыхал. Исполнители не подкачали. Остался только космический апофеоз, что, впрочем, тоже было предусмотрено в сценарии. Да и туча пришла *та самая*, из Ершалаима начала нашей эры. *Солнце правды* скрылось во мгле. Однако затмение *солнца* не бывает долгим. Оно копит силы, чтобы вновь разорвать облака. Пока же беснуется хлябь, в эту темень уходит и Воланд.

Громовержец-Юпитер бьёт в большой барабан.

Что за таинственный *табурет*, на коем восседал Глава Ведомства Справедливости?

Это *табурет*, сделанный плотником Иисусом из Древа познания добра и зла.